

DOI: 10.22250/2072-8662.2019.3.100-109

Шахнович М.М.

*Санкт-Петербургский государственный университет
199034, Россия, Санкт-Петербург, Менделеевская линия, 5
m.shakhnovich@spbu.ru*

Научный атеизм эпохи «развитого социализма» в изобразительном искусстве: о серии декоративных панно «Советский образ жизни» (1983–1986) из коллекции Государственного музея истории религии

Аннотация. Статья посвящена истории создания серии декоративных панно «Советский образ жизни» (1983–1986) из коллекции Государственного музея истории религии, созданных художниками с. Мстёра. В концепции нового отдела об атеизме в современном обществе косвенно отразилась дискуссия о сущности атеизма, развернувшаяся в советской обществоведческой литературе периода «развитого социализма». Одни авторы искали в атеизме «позитивное» содержание, разрабатывая т.н. «теорию научного атеизма», другие, опираясь на традиции европейского свободомыслия, считали атеизм лишь отрицанием теизма и чертой материалистического мировоззрения, предлагая искать «позитивное» содержание не в атеизме, а в науке, культуре и в новых гражданских традициях.

Ключевые слова: атеизм, развитый социализм, советский образ жизни, советское изобразительное искусство, Мстёра, Государственный музей истории религии и атеизма

Marianna M. Shakhnovich

*St. Petersburg State University
5 Mendeleevskaya liniya, St. Petersburg, Russia, 199034
m.shakhnovich@spbu.ru*

Scientific Atheism of the Era of “Developed Socialism” in the Visual Arts: a Series of Decorative Panels “Soviet Way of Life” (1983–1986) from the Collection of the State Museum of the History of Religion

Abstract. The article deals with the history of the creation of a series of decorative panels “The Soviet way of life” (1983–1986) from the collection of the State Museum of the History of Religion, created by artists from the village Mstyora. The discussion on the essence of atheism, unfolded in the Soviet social science literature of the period of “developed socialism”, was indirectly reflected in the concept of the new Museum exhibition on the atheism in contemporary society. Some authors searched for the “positive” content of atheism, developing the so-called “theory of scientific atheism”, others, relying on the traditions of European free-thinking, considered atheism only a negation of theism and a feature of the materialistic worldview, suggesting searching for “positive” content not in atheism, but in science, culture and new civil traditions.

Key words: atheism, developed socialism, Soviet way of life, Soviet art, Mstyora, The State Museum of the History of Religion and Atheism

В конце 1970-х – в начале 1980-х гг. в период подготовки новой экспозиции Государственного музея истории религии и атеизма (с 1991 г. – Государственный музей истории религии) встал вопрос о необходимости создания отдела, посвящённого современному обществу. Этого требовала политическая ситуация. Презентация советской культуры эпохи «развитого социализма» должна была отразить те изменения, которые произошли в духовной культуре страны за 60 лет советской власти, показать, что СССР – страна массового атеизма. Без этого отдела открытие новой экспозиции было невозможно.

В середине 1970-х гг. в советской обществоведческой печати развернулась дискуссия о том, что такое атеизм, на чём основан и с чем связан [см., например: Пашков, 1974; Гендель, 1975]. Эта дискуссия была вызвана процессом институционализации дисциплины «Основы научного атеизма», введённой в 1964 году на основании решения ЦК КПСС, закреплённого в документе «Мероприятия по усилению атеистического воспитания населения». Она была введена в качестве обязательной на всех факультетах университетов, в учебных заведениях Министерства культуры СССР, в медицинских, сельскохозяйственных, педагогических высших и средних учебных заведениях, а во всех остальных вузах – как факультатив. В связи с этим и возникло стремление создать «теорию научного атеизма» или особую науку – «научный атеизм» [Горбачёв, 1966; Крянев, 1967]. В середине 1970-х гг. в идеологических органах власти возникло мнение, что курс «Основы научного атеизма» не выполняет в достаточной мере своих пропагандистских функций в силу своего «религиоведческого характера», и перед Министерством высшего и среднего специального образования была поставлена задача пересмотреть программу курса и нацелить её на «рассмотрение сущности атеизма» [Шептулин, 1975, 17]. Некоторым близким к идеологическому аппарату ЦК обществоведам пришла в голову идея о том, что атеизм, как «отрицательный» феномен, не может характеризовать мировоззрение самого передового общества и что он должен иметь какую-то положительную составляющую.

Например, заведующий кафедрой научного атеизма МГУ М.П. Новиков писал, что в отличие «от буржуазных свободомыслящих», которые только разрушают религию, в Советском Союзе исследуются «позитивные аспекты атеистической науки» и «разработка позитивных аспектов атеизма в непосредственной связи с общей материалистической концепцией исторического процесса подняла атеистическую науку на качественно новую ступень» [Новиков, 1973, 30–31]. Директор Института научного атеизма Академии общественных наук при ЦК КПСС П.К. Курочкин в одной из своих публикаций отмечал, что «марксистско-ленинская теория научного атеизма состоит из трёх крупных разделов: религиоведения, атеизмоведения и теории научно-атеистического воспитания» [Курочкин, 1980, 20]. Он выделял в теории научного атеизма два аспекта – критический и позитивный: «Существо первого – в научном раскрытии несостоятельности и реакционной роли религии, второй аспект заключается в исследовании и пропаганде положительного содержания научного атеизма в развитии общества, который позволяет формировать устойчивое оптимистическое мироощущение, даёт верную ориентацию в мире человеческих отношений» [Курочкин, 1980, 19–20]. Оставалось только определить содержание «позитивного и созидательного аспекта научного атеизма», которое должно было демонстрировать его принципиально отличие от домарксистского атеизма, который лишь «подвергает религию голому отрицанию». [Гришанов, 1973; Никитин, 1977; Курочкин, Мизов, 1978].

Однако некоторые советские философы не считали, что атеизм имеет какое-то особое «позитивное содержание»¹, полагая, что атеизм – это воззрение «полностью отвергающее всякую веру в сверхъестественное, в какой бы форме она не выражалась», и что он «существует лишь как отрицание теизма» [Шахнович, 1973, 86]. Как раз именно такой точки зрения и придерживались классики марксизма. Так, Ф. Энгельс в письме Эдуарду Бернштейну писал, что «атеизм как *голое отрицание* религии, ссылающийся постоянно на религию, сам по себе без неё ничего не представляет» [Маркс, Энгельс, 1956, 598]. Энгельс писал, что люди, чьё мировоззрение свободно от религии, перестают интересоваться ею: «О громадном большинстве

немецких социал-демократических рабочих можно даже сказать, что у них атеизм стал уже пройденным этапом; это чисто отрицательное обозначение к ним уже неприменимо, так как они противостоят вере в бога уже не теоретически, а практически; они *попросту покончили с богом*, они живут и мыслят в действительном мире и являются поэтому материалистами» [Маркс, Энгельс, 1956, 598]. То есть, с точки зрения классического марксизма развитие социализма к коммунизму должно привести к отмиранию не только религии, но и атеизма, так как материализм сам по себе и есть атеистический взгляд на мир. Поэтому главной задачей атеистического воспитания сторонники этой точки зрения считали естественнонаучное просвещение.

Историк советского атеизма Б.Н. Коновалов писал, что важное место в идейно-теоретическом содержании атеистической пропаганды принадлежит естественнонаучной критике религии и обоснованию атеизма с позиций современной науки и именно научные знания являются важнейшей предпосылкой формирования атеистического материалистического мировоззрения, чуждого религии: «Современные достижения естествознания, проникновение человеческого разума в глубинные процессы микро- и макромира, в тайны человеческой психики, развитие химии, кибернетики и других наук оставляют всё меньше “белых пятен” в познании окружающего мира, свидетельствуют о неограниченных возможностях человеческого разума, не нуждающегося ни в каких религиозных санкциях» [Коновалов, 1974, 143]. Эти положения соответствовали не только духу и букве сочинений основоположников марксизма, но и всей философской просветительской традиции, включая получивший развитие во второй половине XX века в Европе и США секулярный гуманизм, связанный с развитием позитивизма и прагматизма. Однако в теории и практике научно-атеистического воспитания в конце 1970-х – середине 1980-х гг., естественно, об этой общей с «буржуазными свободомыслящими» позиции не упоминалось, а наиболее влиятельным текстом, обосновывающим использование достижений естествознания в целях распространения атеистических представлений о мире, была Программа КПСС, принятая ещё на XXII съезде в 1961 году. В ней говорилось следующее: «В атеистической пропаганде следует опираться на достижения современной науки, которая всё полнее раскрывает картину мира, увеличивает власть человека над природой и не оставляет места для фантастических вымыслов религии о сверхъестественных силах» [Материалы, 1962, 412].

Отрицая какое-либо «позитивное» содержание у атеизма, представители второй точки зрения считали, что т.н. общество «развитого социализма» – это светское общество, в котором наука выступает как важнейший фактор формирования материалистического взгляда на мир. Этот подход и был положен в основание отдела, посвящённого атеизму эпохи «развитого социализма» в Государственном музее истории религии и атеизма.

Идея проекта родилась во время поездки директора музея Я.Я. Кожурина и заведующей отделом «Православие и атеизм в СССР» Л.И. Емелях во Владимирскую область. Сотрудники музея понимали, что необходимо выполнить социальный заказ, но при этом нельзя ограничиться набором фотографий и газетных публикаций, следует представить экспозицию, создающую целостный художественный образ нового общества свободного от религии. Творчество художников села Мстёра как нельзя лучше отвечало поставленной задаче.

Народные художники Мстёры наследовали традиции древнерусского искусства, которые после 1917 года трансформировались в особый стиль мстёрской лаковой миниатюры. В этом стиле условность изобразительного языка объединяется с реалистической достоверностью изображаемых объектов, декоративность орнаментовки и яркость цвета сочетаются с метафоричностью создаваемых образов, а метод построения композиции допускает идущую от иконы возможность показывать разновременные события как одновременные, символически объединяя их содержание.

К реализации проекта были привлечены лучшие художники Мстёрской секции Владимирского отделения Союза художников СССР во главе с заслуженным художником РСФСР Л.А. Фомичевым. Совместная работа музея и творческой группы шла несколько лет, разрабатывалось содержание предполагаемых живописных

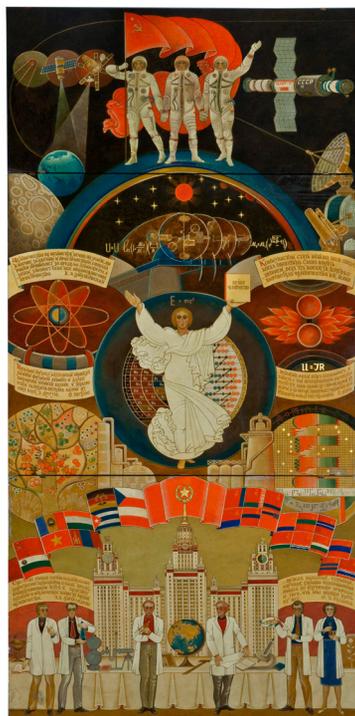
панно, обсуждались многочисленные эскизы. Художественное исполнение заняло три года – с 1983 по 1986 г.

Были созданы шесть декоративных панно, объединённых общей темой «Советский образ жизни». В те годы это понятие определялось так: «Советский образ жизни – это исторически сложившаяся политическая система производственных, общественных и личностных отношений, вся совокупность новых революционных традиций советских людей. В основе этих традиций лежат великие принципы трудового народа – демократизм, гражданственность, исторический оптимизм, героизм и пафос труда, забота о человеке и делах государства, советский патриотизм и социалистический интернационализм» [Руднев, 1979, 3–4]. Панно экспонировались в следующем порядке: «Социалистический труд» (художник Валентин Павлович Фокеев); «Советская наука» (заслуженный художник РСФСР, лауреат премии имени И.Е. Репина Лев Александрович Фомичев); «Советская культура» (художник Владимир Николаевич Молодкин); «Революционные и военно-патриотические традиции» (художник Александр Гаврилович Калинин); «Гражданская обрядность» (лауреат премии Ленинского Комсомола, художник Вячеслав Сергеевич Муратов); «Обряды и праздники советского села» (заведующий мстёрской секцией Владимирского отделения Союза художников СССР, художник Владислав Фёдорович Некосов).

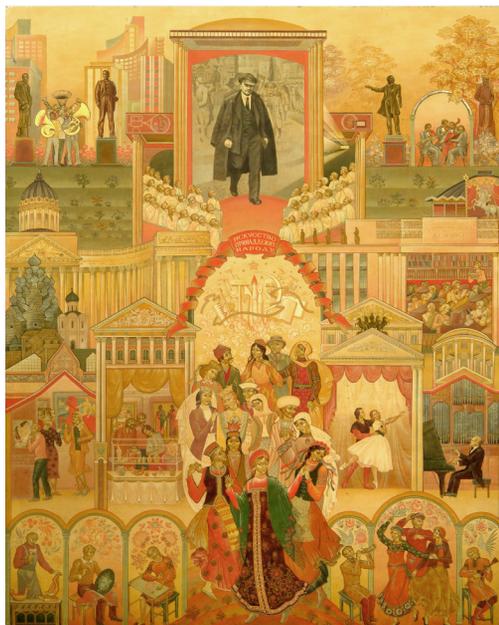
Панно «Социалистический труд» прославляло созидательное начало, основу общественной жизни – труд. Панно «Советская наука» несло важную идейную нагрузку, так как не только образно представляло достижения науки как основы материалистического мировоззрения, но и содержало текстовый материал, состоящий из цитат классиков марксизма (Маркса, Энгельса, Ленина) и российских учёных о значении науки для человечества. Остальные четыре панно отражали те стороны советского образа жизни, которые были связаны с духовной культурой и бытовой практикой, включая новые советские обряды, главным среди них считалось панно «Революционные и военно-патриотические праздники».

Илл. 1. Социалистический труд.
Худ. В.П. Фокеев (1983–1986).
ГМИР.

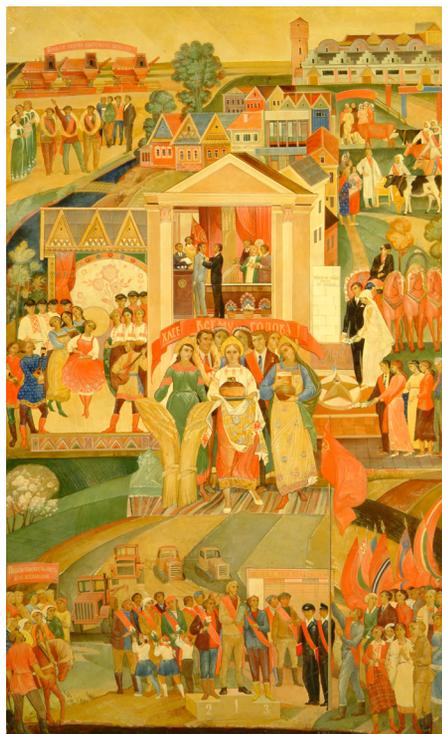
Илл. 2. Советская наука.
Худ. Л.А. Фомичев (1983–1986).
ГМИР.

Илл. 3. Советская культура.
Худ. В.Н. Молодкин (1983–1986). ГМИР.

Илл. 4. Гражданская обрядность.
Худ. В.С. Муратов (1983–1986). ГМИР.

Илл. 5. Обряды и праздники
советского села.
Худ. В.Ф. Некосов (1983–1986). ГМИР.

Илл. 6. Революционные
и военно-патриотические праздники.
Худ. А.Г. Калининко (1983–1986).
ГМИР.

Огромные панно (самое большое – размером 290x140 см), выполненные художниками Мстёры, были размещены в северном нефе Казанского собора, в котором тогда располагался Музей истории религии, и прекрасно вписались в интерьер здания. Живописная манера, восходящая к древнерусской церковной живописи, подчёркивала символизм их содержания, способствовала тому, что эти своеобразные «иконы» приобрели новые эстетические и философские смыслы. Панно подтвердили идею М. Горького о возможности приобщении иконописи к новым темам при сохранении традиционной формы и символической функции.

Тем временем в стране началась «перестройка». В аннотации, подготовленной к открытию нового раздела экспозиции музея, было написано, что «сюжеты панно являются иллюстрацией основных положений Политического доклада XXVII съезду КПСС Генерального секретаря ЦК КПСС М.С. Горбачёва». Съезд проходил с 25 февраля по 6 марта 1986 г., на нём руководитель советского государства впервые высказался о необходимости гласности и проведении преобразований в стране. Тогда же была принята новая редакция программы КПСС, в которой было указано, что партия видит свою задачу в том, чтобы нести народам страны правду о внутренней и внешней политике и активно пропагандировать советский образ жизни [XXVII съезд, 1986, 600]. Жизнерадостность произведений, созданных художниками Мстёры по заказу музея, соответствовала духу времени: стратегии экономического «ускорения», активизации «человеческого фактора», обновлению социализма, «очищенного от сталинских репрессий и искажений ленинских принципов». Вышедшая в 1988 году книга М. С. Горбачёва «Перестройка и новое мышление для нашей страны и для всего мира» сыграла важную роль в изменении отношения к идеологии эпохи «развитого социализма». Сейчас эти слова кажутся банальными, но тогда, опираясь на эту книгу, можно было впервые за много десятилетий с трибуны публично заявить: «Идея о единстве мира, несмотря на все его противоречия, о единой цивилизации, требует учёта религиозного фактора в духовной жизни человечества, реалистического анализа того факта, что сейчас из пяти миллиардов человек приблизительно четыре миллиарда людей религиозных и один миллиард атеисты. Никогда ещё так остро не стоял вопрос о единстве всех народов вне их отношения к проблемам религии. <...> интересы общественного развития, общечеловеческих ценностей имеют приоритет над интересами того или иного класса, идеологические разногласия должны отступить перед общностью судьбы человеческого рода...

Марксисты не отказываются от общечеловеческих этических ценностей, если они даже первоначально существовали в религиозной форме, от исследования в религии не только её классового содержания» [Шахнович, 1988, 77]. Страна вступала в новый период отношений между государством и церковью, верующими и атеистами, эпоха «развитого социализма» подошла к концу.

Приложение

Н.Г. Дмитриев². Обоснование художественных, живописных и стилевых особенностей декоративных панно, выполненных для Музея истории религии и атеизма (1986 г.). Фрагмент³

Прежде всего, у посетителей Музея может возникнуть вопрос, почему мстёрские художники, известные в стране как миниатюристы традиционного искусства декоративной живописи, вдруг обратились к изделиям крупного формата – декоративным панно. Свойственно ли это традициям мстёрского искусства?

Как известно, народные художники Мстёры наследуют традиции древнерусского искусства, в которых изначально заложены основы миниатюрного письма, идущего от икон малого формата, и в то же время существовали иконы крупного размера вплоть до настенной живописи. Мстёрские иконописцы хорошо знали Новгородские, Московские и Строгановские письма. Именно они и оказали влияние на характерные особенности миниатюры Мстёры. Эти направления всегда были нормой мастерства лучших мстёрских художников. На них ссылались, пристально присматриваясь, по ним выверяли они своё искусство.

...Все своим творчеством мстёрские художники утверждали поэтический образный язык своего искусства. В его основе ведущим началом всегда было реальное чувство природы и окружающей жизни. Нельзя объяснить метафоричность изобразительного языка мстёрской живописи мистикой, т.е. явлениями, существующими вне реальности. Условность изобразительного языка, лишь признак, степень отдалённости или приближения к реальности... Условность изобразительного языка мстёрской живописи имеет две противоположные тенденции развития: всё большего приближения к реалистическому восприятию – достоверности или наоборот отдаления от него – символики. Кроме общих признаков мстёрского стиля, имеются и индивидуальные особенности художественной манеры каждого большого мастера. В них проявляется личное понимание мастером традиции и канона, что так же очень существенно в формировании стиля. Но как бы ни были индивидуальны особенности творчества отдельных мастеров, их всегда объединяет общее: декоративность, цветовая наполненность и жизнерадостность, ликующая праздничность цвета, его согласованность в деталях, орнаментальная узорчатость, метафоричность передаваемого образа. Мстёрский стиль характеризуется также своим пониманием композиции. Она всегда строится в пейзаже, на цветных фонах, во взаимодействии с живыми существами – человеком, животными, птицами; бытовой обстановкой – архитектурной. Художественный метод композиционного построения допускает одновременные события передавать как одновременные в единстве их содержания. Образная выразительность проявляется в своеобразном понимании пейзажа, отличающегося в изображении природы от других родственных промыслов – Федоскино, Палеха, Холуя...

Все шесть панно по своему замыслу представляют собой смысловое и художественное единство. Как мы сказали – ансамблевость.

«Социалистический труд» (художник В.П. Фокеев). Работа была задумана как гимн свободному многонациональному труду. Это и определило композиционное построение панно. Центром композиции является группа рабочих, как бы выходящая из главного входа ВДНХ (СССР) к народу – зрителю – и представляющая ему плоды своего труда. Исходя из традиций древнерусской живописи, вся работа была задумана по своей форме как житийная икона, в ходе дальнейшего развития традиций трансформированная во Мстёре и Палехе в многосюжетные и одновременные изображения и подающая их как единовременные в целостном композиционном решении. Композиция строилась на условно географическом расположении трудовых объектов. От нижнего угла кверху – от Донбасса до Прибалтики (от добычи каменного угля до строительства кораблей) через строительство белорусских тракторов и освоения торфяников. Композиция отражает освоение целинных земель Казахстана и Алтая, стройки Волги и Сибирских рек до морских путей Дальнего Востока и освоения Северного морского пути. Смысловая и композиционная необъятность событий диктовали символическое решение темы, принцип решения которой был неотъемлемой частью традиций древнерусского искусства, а также остаётся и в продвижении наших традиций в современном искусстве Мстёры. Весь композиционный строй идёт через определённые символические акценты, дополненные атрибутами современного производства и т.д. Пахарь, сеятель, жнецы, доярки – символы сельского хозяйства; шахтёр, строители, литейщики, кузнецы – символ тяжёлой промышленности. И всё это объединено мыслью учёных – работников интеллектуального труда, учёных – физиков, химиков, преобразователей природы. Кульминацией является представленный в центре праздник несения Родине плодов труда всего нашего народа.

«Советская наука» (художник Л.А. Фомичев). Вся сложность работы состояла в том, что важно было найти художественно-образное решение науки, как явления огромной важности в раскрытии тайн мироздания, заведомо зная, что во многих частностях она не изобразительна. Трёхметровая вертикаль живописной плоскости давала возможность ярусного решения композиции. Такое решение композиции лежит в русле традиционного наследия древнерусской живописи. Это очень важно потому, что всё опиралось и ставилось на твёрдые основы традиции. Содержание темы «наука» состоит из одновременных действий, но они поданы как единовременные,

то соответствует нашему традиционному решению композиции. Нижняя часть композиции знаменует собой опору знания на содружество наций, входящих в состав Советского Союза и содружества социалистических стран, входящих в СЭВ⁴, обозначенных условно флагами национальных представительств. На фоне здания Московского университета как символа храма науки во фронтальном расположении стоят учёные, представляющие собой разные отрасли знания. В левом углу, пересекаемое лентой содружества наций, изображено символически древо познания. В среднике композиции на фоне периодической системы химических элементов Д.И. Менделеева символически изображена сама наука в образе женщины с воздетыми руками. На свободно раскинутых лентах справа – символ атома и ускоритель, слева – символ тепловой энергии. В центре – универсальная формула энергии. Верх композиции венчает космическая орбита, по которой движутся советские космические аппараты. На фоне тёмного пространства Вселенной изображены три космонавта, один из которых держит развивающийся красный флаг. Ниже – небесные светила: солнце, звёзды, планеты. На белых лентах шесть кратких текстов о науке (К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина, М. В. Келдыша и А.П. Александрова).

«Советская культура» (художник В.Н. Молодкин). Поскольку наша многонациональная социалистическая культура опирается на народное искусство, то и композиционно народное искусство стало опорной основой всей композиции, определяющей собой её первый ярус. Слева помещены знаменитые хранилища древнерусского и современного искусства – Государственная Третьяковская галерея и Государственный Русский музей. Над ними как бы в слитном архитектурном ансамбле в левой части размещены шедевры русской культовой архитектуры, которую мы рассматриваем с позиций атеизма и красоты. В этом же ярусе справа балетное искусство представлено Большим театром с замечательной балериной Г. Улановой. Музыкальное искусство – государственной консерваторией им. П.И. Чайковского и замечательным музыкантом – пианистом С. Рихтером. Нигде не издаётся столько книг, как – в СССР. Замечательным хранилищем человеческой мысли является Государственная библиотека им. В.И. Ленина, которая представлена в композиции читальным залом, помещённым во втором ярусе в правом углу. В третьем (верхнем) ярусе изображены площади, скверы, парки и улицы Москвы и Ленинграда, на которые шагнули монументами лучшие представители русской и советской литературы. Все три яруса композиции пересекаются композиционной вертикалью: в верхней её части изображён В. И. Ленин. Посредством самого массового искусства – кино – образ вождя стал зримо ближе. Он будет шагать в ногу с каждой эпохой. На этой же композиционной вертикали в центре крупным планом помещена фигурная группа, олицетворяющая собой представителей всех национальностей как создателей национальных культур, принадлежащих всему советскому народу.

«Гражданская обрядность» (художник В.С. Муратов). В центре как основа композиции – посвящение в рабочий класс. На фоне Смольного происходит встреча поколений: ветеранов-рабочих с молодыми, которых посвящают в рабочие. Пионеры, октябрюта поздравляют – вручают цветы. Во втором ярусе композиции в левом углу изображён торжественный акт наречения имени. Действие происходит в Ленинградском Дворце «Малютка». В этом же ярусе изображена торжественная регистрация бракосочетания. В третьем ярусе слева помещено композиционное включение «первый раз в первый класс», идёт урок мира. В центральной части этого же яруса на условно изображённом мосту на фоне Невы и крейсера «Аврора» происходит встреча первоклассников с выпускниками, уходящими в Советскую Армию. Эта композиция символизирует собой преемственность поколений. Эта композиция имеет своё смысловое продолжение в правом углу третьего яруса, где на фоне монумента «Блокада» на площади победы происходит торжественное напутствие будущим солдатам. Вся композиция построена на конкретном материале города Ленинграда.

«Обряды и праздники советского села» (художник В.Ф. Некосов). Решение данной темы требовало тщательного отбора явлений действительности. Нужно было композиционно найти смысловую и изобразительную опору для средника-центра. Таким образом, в нижней части композиции определилось место для

праздника первой борозды. На этой основе получило своё развитие композиционное решение центра (средника) под девизом «Хлеб – всему голова». Усиливая торжественность события, над группой идущих с хлебом и солью возвышается здание сельского дома культуры, внутри которого происходит торжественное чествование тружеников села. Слева на горизонтальной площадке выступают участники художественной самодеятельности. Справа на том же уровне – молодые, вступающие в брак, возлагают цветы к памятнику «Неизвестному солдату». Верхняя часть композиции представляет колхозную и совхозную застройку, благоустроенные дома и животноводческие помещения. Так одновременные события жизни села в разномасштабном композиционном решении приводят к цельности восприятия.

«Революционные и военно-патриотические традиции» (художник А.Г. Калинин). Композиция объединяет три праздника: день Великой Октябрьской социалистической революции, день Международной солидарности трудящихся и День победы. Колыбелью Октябрьской социалистической революции был Петроград, поэтому в правой части композиции изображена колонна, выходящая из арки Главного штаба. В первом ряду – три символические фигуры штурмовавших Зимний дворец. В левой части композиции условно изображена Москва. Советский народ одержал победу над фашизмом, связывая свои помыслы с Москвой. У Кремлёвской стены к памятнику «Неизвестному солдату» люди возлагают цветы. Третий узловой акцент – Первое мая, праздник солидарности трудящихся всех стран, олицетворяющий стремление народов жить в мире и сотрудничестве. На переднем плане – первомайская демонстрация. Она – композиционный стрержень. Впереди колонны идут также три символические фигуры: рабочий, колхозник и интеллигент, как люди созидающие. Впереди – молодёжь, будущее страны. В последующих рядах колонны идут представители союзных республик, олицетворяющие собой многонациональную семью нашего народа. Колонны Октябрьская и Дня победы вливаются в общую первомайскую колонну. Все свершения в нашей стране происходят с именем и под знаменем Ленина, поэтому в центре композиции помещён портрет вождя. В замысле композиции было создать образ праздника, так как сделать жизнь для всех счастливой, мирной и праздничной является главной задачей нашего государства и нашего народа.

Благодарность

Публикация подготовлена в рамках реализации проекта РНФ № 16-18-10083 «Изучение религии в социокультурном контексте эпохи: история религиоведения и интеллектуальная история России XIX – первой половины XX вв.».

Acknowledgement

The paper is prepared with the support of the RSF grant № 16-18-10083 «The Study of Religion in Social and Cultural Context of the Epoch: the History Religious Studies and Intellectual History of Russia of the 19th – first half of the 20th century».

Библиографический список

1. XXVII съезд Коммунистической партии Советского Союза. 25 февраля – 6 марта 1986 г. Стенографический отчёт. – М.: Политиздат. – 1986. – 655 с.
2. Гендель, В.Г. К вопросу о предмете научного атеизма / В.Г. Гендель // Философские науки. – 1975. – № 1. – С. 151–153.
3. Горбачёв, Н.А. К вопросу о предмете теории научного / Н.А. Горбачёв // Вопросы научного атеизма. – М.: Мысль. – 1966. – Вып. 1. – С. 68–87.
4. Гришанов, Л.К. Атеизм как утверждение бытия человека. Проблема единства гуманизма и атеизма в истории философии / Л.К. Гришанов. – Кишинёв: Штиинца, 1973. – 224 с.
5. Гуманизм, атеизм, религия / Под ред. П. Курочкина, П. Мизова. – М.: Госполитиздат; София, 1978. – 135 с.
6. Коновалов, Б.Н. К массовому атеизму / Б.Н. Коновалов. – М.: Наука, 1974. – 168 с.
7. Крянев, Ю.В. Атеистические исследования / Ю.В. Крянев // Вопросы философии. – 1967. – № 5. – С. 153–156.
8. Курочкин, П.К. Научно-атеистическое воспитание в системе идеологической работы / П.К. Курочкин. – М., 1980. – 80 с.

9. Курочкин, П.К. Атеизм и нравственный прогресс / П.К. Курочкин // Вопросы научного атеизма. – М.: Мысль. – 1975. – Вып. 15. – С. 81–94.
10. Маркс, К. Из ранних произведений / К. Маркс, Ф. Энгельс. – М.: Политиздат, 1956. – 690 с.
11. Материалы XXII съезда КПСС. – М.: Политиздат, 1962. – 464 с.
12. Никитин, В.Н. Атеизм как социальное явление / В.Н. Никитин. – Л.: Лениздат, 1977. – 104 с.
13. Новиков, М.П. О предмете научного атеизма / М.П. Новиков // Вопросы научного атеизма. – М.: Мысль. – 1973. – Вып. 15. – С. 25–36.
14. Пашков, Н.А. Актуальные проблемы научно-атеистических исследований / Н.А. Пашков // Философские науки. – 1974. – № 1. – С. 126–138.
15. Руднев, В.А. Советские праздники и обряды / В.А. Руднев. – Л.: Лениздат, 1979. – 208 с.
16. Шахнович, М.И. Новые вопросы атеизма / М.И. Шахнович. – Л.: Лениздат, 1973. – 240 с.
17. Шахнович, М.И. Новое политическое мышление и проблемы современного религиозоведения / М.И. Шахнович // Теоретическая конференция «Религия и атеизм в истории культуры». Тезисы докладов. – Л., 1988. – С. 77–78.
18. Шахнович, М.И. Глобальные проблемы современности и модернизация идеи бога / М.И. Шахнович. – Киев: Полигиздат Украины, 1990. – 234 с.
19. Шептулин, А.П. Задачи преподавания основ научного атеизма в вузах / А.П. Шептулин // Вопросы научного атеизма. – М.: Мысль. – 1975. – Вып. 15. – С. 5–24.

Текст поступил в редакцию 15.04.2019.

¹ М.И. Шахнович писал, что на возникновение этих представлений «повлияла концепция развитого социализма, исходя из которой мы вот-вот должны оказаться в “обществе, свободном от религии”» [Шахнович, 1990, 222].

² Дмитриев Николай Григорьевич (1916–1991) – художник Мстёры, член Союза художников СССР.

³ Научно-исторический архив Государственного музея истории религии. [От Л. И. Емелях].

⁴ Совет экономической взаимопомощи (1949–1991) стран социалистического лагеря. Штаб-квартира находилась в Москве.

References

1. *XXVII S'ezd Kommunisticheskoy partii Sovetskogo Soyuz. 25 fevralya – 6 marta 1986 g. Stenograficheskij otchet* [The 27th Congress of the Communist Party of the Soviet Union. February 25 – March 6, 1986. Verbatim Report]. Moscow: Politizdat, 1986, 655 p. (in Russian).
2. Gendel' V.G. *Filosofskie nauki* [Philosophical Sciences]. 1975, no. 1, pp. 151–153 (in Russian).
3. Gorbachev H.A. *Voprosy nauchnogo ateizma* [Questions of Scientific Atheism]. Moscow: Mysl' Publ., 1966, vol. 1, pp. 68–87 (in Russian).
4. Grishanov L.K. *Ateizm kak utverzhdenie bytiya cheloveka. Problema edinstva gumanizma i ateizma v istorii filosofii* [Atheism as Adoption of Human Life. A Problem of Unity of Humanity and Atheism in the History of Philosophy]. Kishinev: Shtiinca, 1973, 224 p. (in Russian).
5. *Gumanizm, ateizm, religiya* [Humanity, Atheism, Religion]. Eds. Kurochkin P., Mizov P. Moscow: Gospolitizdat; Sofiya, 1978, 135 p. (in Russian).
6. Konovalov B.N. *K massovomu ateizmu* [To Mass Atheism]. Moscow: Nauka Publ., 1974, 168 p. (in Russian).
7. Kryanov Y.V. *Voprosy filosofii* [Questions of Philosophy]. 1967, no. 5, pp. 153–156 (in Russian).
8. Kurochkin P.K. *Nauchno-ateisticheskoe vospitanie v sisteme ideologicheskoy raboty* [Scientific and Atheistic Education in the System of Ideological Work]. Moscow, 1980, 80 p. (in Russian).
9. Kurochkin P.K. *Voprosy nauchnogo ateizma* [Questions of Scientific Atheism]. Moscow: Mysl' Publ., 1975, vol. 15, pp. 81–94 (in Russian).
10. Marx K., Engels F. *Iz rannih proizvedenij* [From Early Works]. Moscow: Politizdat, 1956, 690 p. (in Russian).
11. *Materialy XXII s'ezda KPSS* [Materials of the 22nd Congress of the CPSU]. Moscow, 1962, 464 p. (in Russian).
12. Nikitin V.N. *Ateizm kak social'noe yavlenie* [Atheism as a Social Phenomenon]. Leningrad: Lenizdat, 1977, 104 p. (in Russian).
13. Novikov M.P. *Voprosy nauchnogo ateizma* [Questions of Scientific Atheism]. Moscow: Mysl' Publ., 1975, vol. 15, pp. 25–36 (in Russian).
14. Pashkov H.A. *Filosofskie nauki* [Philosophical Sciences]. 1974, no. 1, pp. 126–138 (in Russian).
15. Rudnev V.A. *Sovetskie prazdniki i obyady* [Soviet Holidays and Ceremonies]. Leningrad: Lenizdat, 1979, 208 p. (in Russian).
16. Shakhnovich M.I. *Novye voprosy ateizma* [New Questions of Atheism]. Leningrad: Lenizdat, 1973, 240 p. (in Russian).
17. Shakhnovich M.I. *Teoreticheskaya konferenciya "Religiya i ateizm v istorii kul'tury". Tezisy dokladov* [Theoretical Conference “Religion and Atheism in the History of Culture”. Theses of Reports]. Leningrad, 1988, pp. 77–78 (in Russian).
18. Shakhnovich M.I. *Global'nye problemy sovremennosti i modernizatsiya idei boga* [Global Problems of the Present and Modernization of the Idea of God]. Kiev, 1990, 234 p. (in Russian).
19. Sheptulin A.P. *Voprosy nauchnogo ateizma* [Questions of Scientific Atheism]. Moscow: Mysl' Publ., 1975, vol. 15, pp. 5–24 (in Russian).

Submitted for publication on April 15, 2019.